

В конце первого семестра на первом курсе известный кинофестиваль «Следующая станция», целью которого было воспитание нового поколения кинематографистов, представил две новые категории для короткометражных фильмов: основную конкурсную и более экспериментальную категорию «Гало». «Следующая станция» был самым известным, широко известным и влиятельным фестивалем для молодых кинематографистов, и новые категории короткометражек, безусловно, привлекли внимание. Даже если приходилось смотреть фильмы до четырёх-пяти утра, а на следующий день вставать в семь тридцать на занятия, Сяо Жофэй не мог устоять. Он выкроил время из обеденного перерыва и написал двадцатистраничный сценарий под названием «Смерть комедианта».

Хотя это называлось сценарием, текст больше походил на диалог двух рассказчиков — мужчины и женщины, мужчина помоложе, женщина постарше. Они обсуждали соседские мелочи, говорили каждый о своём, в словах скрывался подтекст, и если на первый взгляд это казалось весёлым фарсом, то при более внимательном рассмотрении любые трактовки были возможны. Но кто был тем комедиантом и кто в итоге умер — так и оставалось неясным.

Закончив сценарий, Сяо Жофэй с гордостью показал его Сяо Цаньсин, но та, как профессионал, серьёзно указала на множество недостатков. Их было так много, что, глядя на двадцать страниц, испещрённых красными пометками, у него сердце кровью обливалось. Сейчас, если говорить мягко, этот сценарий можно назвать «абсурдистским», очень экспериментальным; если говорить жёстко — Сяо Жофэй готов был провалиться сквозь землю от стыда за тогдашнего себя.

Но в то время он учился всего несколько месяцев, практического опыта не имел, амбиции зашкаливали, и он любыми способами хотел доказать матери свою состоятельность. Поэтому он тайно посоветовался с соседями по комнате, нашёл нескольких студентов с других факультетов и задумал снять этот сценарий.

Когда съёмочная группа была собрана, остались только актёры. В то время он больше всего общался со старостой первого актёрского курса Бай Яньнанем, поэтому отправился в общежитие, чтобы вручить тому сценарий. Бай Яньнань, прочитав, посмеялся над ним, спросил, не перечитался ли он абсурдистов, не подсел ли на метафоры и аллегории, раз даже воробей на ветке появляется дважды — один раз живым, другой раз мёртвым. В тот день в комнате как раз был Гу Чуньлай. Сначала он вообще не обращал на них внимания, но когда Бай Яньнань закончил свой комментарий, снял наушники, отложил книгу, подошёл к ним и протянул руку за сценарием.

Сяо Жофэй и представить не мог, что главный мужской персонаж фильма определится этим простым жестом. Гу Чуньлай, прочитав сценарий, согласился сыграть.

Когда всё уже было готово, компьютер Сяо Жофэя внезапно пропал — как раз в ночь перед тем, как он собирался распечатать сценарий. Только что отредактированная версия осталась на жёстком диске, резервной копии не было. Хотя черновик и сохранился, он, глядя на экран и клавиатуру, уже не мог вернуть прежнее вдохновение и озарения.

Больше месяца он пребывал в подавленном состоянии, пока однажды не осознал: потерянное не вернётся, а продолжать в таком духе — только истощать себя. Поэтому он вернулся к прежнему себе, снова начал наслаждаться жизнью, только теперь, помимо соседей по комнате, рядом с ним оказались ещё двое студентов актёрского факультета — Гу Чуньлай и Бай Яньнань.

Вспоминая прошлое, Сяо Жофэй не мог не посмеяться над своей тогдашней наивностью. Хотя

в тот момент он чувствовал себя полным неудачником, спустя годы Сяо Цаньсин не только помнила тот незрелый двадцатистраничный сценарий, но и сама нашла его, подтолкнув к идее нынешнего «Сказания, учения, шуток и пения».

Он и представить не мог, что Гу Чуньлай тоже помнит ту «работу» и думает так же.

Он не мог не признать:

— Ты просто невероятен.

— Ещё бы. У меня же почти тридцатилетний опыт.

Сяо Жофэй не сдержал смеха:

— Я не об этом.

— Знаю, — Гу Чуньлай тоже перестал сохранять серьёзность. — Так теперь ты можешь ответить на мой вопрос?

Сяо Жофэй развёл руками, пожал плечами и сказал:

— Что касается актёрской игры, тебе не о чем беспокоиться. Доверься режиссёру, доверься партнёрам и действуй, как привык.

Гу Чуньлай немного успокоился.

— А почему выбрал именно тебя... — Сяо Жофэй сложил ладони, поднёс их к уху Гу Чуньлая и, подражая его манере, тихо прошептал:

— Чуньлай, есть такое понятие — «коммерческая тайна». Оно означает, что некоторые деловые решения являются внутренней конфиденциальной информацией компании и не подлежат разглашению. Как тебе такое объяснение, подходит?

Вот же хитрец, всё равно припрятал козырь!

Но на этом этапе Гу Чуньлай понял: некоторые слова сейчас из Сяо Жофэя не вытянешь. Он с некоторой досадой сделал лицо, выражавшее полное неверие, смирился и вернулся к телескопу.

Они пробыли на улице очень долго. Чёрное небо незаметно стало синим, а двое энергичных парней начали позёвывать, в глазах появилась усталость.

Сяо Жофэй подумал, что уже поздно, и собрался спросить Гу Чуньлая, не пора ли сворачиваться, как вдруг телефон тихо завибрировал.

Переждав несколько секунд и убедившись, что больше никаких уведомлений не последует, он наконец расслабил напряжённые нервы и задал вопрос.

Сообщения в такое время обычно были сводками от разных отделов — их можно было разобрать завтра утром перед началом работы. Если бы случилось что-то действительно серьёзное, телефон бы уже разрывался от звонков, не оставляя ему и минуты на передышку.

Гу Чуньлай скривил губы, не отрывая глаз от окуляра, и сказал:

— Сначала посмотри сообщение. А то если по дороге ещё что-то прилетит, будет неудобно.

— Ладно, я тогда быстро отвечу, а потом позову тебя.

С этими словами Сяо Жофэй убавил яркость до минимума и разблокировал экран. Выражение его лица было расслабленным, даже радостным, уголки губ приподняты — непонятно, на что он там смотрел. Вокруг не было светового загрязнения, не было шума, только шелест крыльев птиц, возвращающихся в гнёзда, да лёгкое дыхание двоих, то нарастающее, то затихающее. Гу Чуньлай долго стоял в одной позе, поясница затекла, и он отошёл от телескопа, спросив Сяо Жофэя, сколько ещё времени нужно. Сяо Жофэй ничего не ответил, просто перевернул экран в его сторону и улыбнулся. Гу Чуньлай сначала не разглядел, что там написано, ему лишь показалось, будто Сяо Жофэй и вправду украл с неба сияющую луну, держал её в ладонях и подносил ему.

Он присмотрелся и сначала увидел сверху экрана слово «Мама», а затем строку текста в белом пузыре в левом нижнем углу:

Завтра Праздник середины осени, придёшь домой ужинать? Если придёшь, возьми Чуньлая с собой.

Гу Чуньлай бывал в доме Сяо Жофэя и раньше.

На первом курсе, во время зимних каникул, Гу Чуньлай впервые в жизни остался встречать Новый год в одиночестве. Ехать домой он не хотел, куда-то выбираться один — тоже, думал-думал и решил, что лучше всего остаться в общежитии. Одному было скучновато, зато можно было поболтать с дежурным преподавателем или помочь старшекурсникам, готовящимся к поступлению в магистратуру, с их бытовыми делами.

Он сообщил о своей ситуации в учебную часть, и ему разрешили остаться. В ночь перед каникулами он сходил в магазин за двумя пакетами продуктов быстрого приготовления и, вернувшись в общежитие, увидел у входа человека, который оглядывался по сторонам.

Это был Сяо Жофэй.

Неизвестно, кого он ждал.

Гу Чуньлай окликнул его, поздоровался. Сяо Жофэй, услышав, помахал ему рукой, подбежал и с привычной лёгкостью взял один из пакетов. Гу Чуньлай подумал, что тот поможет донести вещи до комнаты, но Сяо Жофэй схватил его за запястье и потащил в сторону, противоположную общежитию.

— Ты чего? — Гу Чуньлай попытался вырваться, но безуспешно.

— Новый год встречать! Мама специально велела тебя привести! Машина ассистента уже ждёт!

С тех пор в праздники в доме Сяо Жофэя появлялся лишний человек, иногда двое, а то и больше. Восемь ребят из двух комнат шумно собирались в одной, все помогали по хозяйству, а после ужина шли по улице до станции метро и, сонные, возвращались в университет, к своей обычной жизни.

После выпуска они разошлись: кто-то играл, кто-то снимал, кто-то унаследовал семейный бизнес, кто-то уехал за границу — кто ушёл, кто остался, и даже некогда неразлучная троица

распалась.

Гу Чуньлай, естественно, тоже больше не переступал порог дома семьи Сяо.

На этот раз он не мог не волноваться. Специально приготовил лунные пряники, купил большую коробку золотой вишни из Хуафу и прихватил восемь блюд для праздничного ужина. Сяо Жофэй, приехавший за ним, чуть челюсть не уронил, долго смеялся и лишь потом деликатно напомнил, что маме будет достаточно и его одного.

В Праздник середины осени на дорогах было много людей. Сяо Жофэй, забрав Гу Чуньлая, поехал в город, по пути ещё заехал за букетом пионов, на что ушло немало времени. Изначально они договаривались приехать часа в четыре дня, сначала поболтать, попить чаю, а потом уже ужинать, но к Сяо Цаньсин они добрались только в половине шестого.

<http://bllate.org/book/15563/1415607>